

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.9>

Крылов Алексей Олегович

**КАФЕДРЫ БОГОСЛОВИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

Статья рассматривает, как социально-культурные процессы, затронувшие образованную элиту Российской империи в XVIII-XIX вв., влияли на преподавание православного богословия в российских университетах. Если в XVIII веке обучение богословию понималось как часть подготовки священнослужителя, то в XIX в. в университетах создаются особые кафедры богословия, призванные стать связующим звеном между университетской корпорацией и духовной школой. Научный уровень университетских кафедр богословия повышался на протяжении XIX в., однако важной проблемой оставалась социокультурная граница, возникшая с конца XVIII в. между дворянством и духовенством.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/12/9.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 12. С. 54-61. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/12/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(476)

Дата поступления рукописи: 27.10.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.9>

Статья рассматривает, как социально-культурные процессы, затронувшие образованную элиту Российской империи в XVIII-XIX вв., влияли на преподавание православного богословия в российских университетах. Если в XVIII веке обучение богословию понималось как часть подготовки священнослужителя, то в XIX в. в университетах создаются особые кафедры богословия, призванные стать связующим звеном между университетской корпорацией и духовной школой. Научный уровень университетских кафедр богословия повышался на протяжении XIX в., однако важной проблемой оставалась социокультурная граница, возникшая с конца XVIII в. между дворянством и духовенством.

Ключевые слова и фразы: богословские кафедры; университеты Российской империи; русское богословие; социальная история Российской империи; история университетов.

Крылов Алексей Олегович, к.и.н.

Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана

(национальный исследовательский университет)

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва

dismal.enigma@yandex.ru

КАФЕДРЫ БОГОСЛОВИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

«Религиозный поворот», произошедший в конце 1980-х – 1990-х гг., стал одним из крупнейших событий в мировой русистике рубежа XX-XXI вв. Новые исследования позволили пересмотреть стереотипное представление о русском православии как о застывшей традиционной религии, покорно служащей интересам государства. В работах отечественных и зарубежных ученых многовековая история Православной церкви в России предстала живой и разнообразной, полной ярких личностей и интеллектуальных течений, не пассивно сопротивляющейся наступающему модерну, но активно влияющей на его облик. Однако и сейчас, в начале XXI в., число работ, рассматривающих церковную историю Российской империи в единстве с другими сторонами жизни страны, остается незначительным. Историки, изучающие церковную историю синодального периода, предпочитают оставаться в границах церковных институтов и духовного сословия, в то время как исследователи, занимающиеся политической, социальной и культурной историей России XVIII – начала XX в. редко касаются собственно церковных вопросов [23, р. 4-8].

В связи с этим особый интерес представляют кафедры богословия, существовавшие с начала XIX столетия и до 1918 года в высших учебных заведениях Российской империи. В рамках этих институций на протяжении столетия осуществлялся контакт образованной светской молодежи и представителей церковно-академической науки, преподававших студентам православного вероисповедания учение их религии. Феномен университетских кафедр богословия не раз привлекал к себе внимание исследователей, однако ученые исследовали конкретные эпизоды – историю богословских кафедр тех или иных учебных заведений, а также содержание преподававшихся курсов и биографии преподавателей [3; 6; 17]. За рамками исследований оставались вопросы о том, как этот академический институт был связан со сложными процессами становления общества модерна в России. Это делает **актуальным** проведение исследований, направленных на осмысление уже имеющихся фактов в рамках более широкой проблематики, прежде всего социальной истории и истории идей.

Цель настоящей статьи – рассмотреть, как социально-культурные процессы, затронувшие образованную элиту Российской империи в XVIII-XIX вв., отражались на преподавании православного богословия в российских университетах. Такой подход позволяет посмотреть на проблему университетских кафедр богословия с нового ракурса, еще не разработанного в мировой историографии.

XVIII век – «Православное Просвещение» и первый российский университет

Вплоть до XVII в. в России не существовало образовательных институтов – получение и передача знаний происходили путем усвоения сведений от более опытных наставников. Это касалось всех сфер жизни – от монашества с его старцами и послушниками и аристократов, получавших домашнее образование, до немногочисленной бюрократии приказов и пушкарей артиллерии. Большую часть немногочисленной интеллектуальной элиты составляло ученое духовенство.

Развитие общества и технологий уже в XVII в. поставило в Московском царстве вопрос о необходимости создания образовательных учреждений, которые бы могли готовить образованную элиту. Этот процесс шел не быстро и не просто, и долгое время в России недостаток квалифицированных кадров привычно восполнялся за счет иноземных специалистов и иностранных учебных пособий. При всем при том, в сравнении с другими европейскими странами, процесс становления российского образования шел крайне быстро и эффективно. За столетие, с 1660 по 1760 гг., Россия проделала путь, на который у стран Европы ушли века [20, с. 304-310].

Первые образовательные институции в России, возникшие в XVII – начале XVIII в., были тесно связаны с Православной церковью. Киево-Могилянская академия и Славяно-греко-латинская академия, Черниговский и Харьковский коллегиумы создавались по образцу иезуитских коллегий, хотя и отличались от них

по ряду важных параметров [12, с. 435; 22, р. 186-195]. Эти учебные заведения были ориентированы на универсальное образование. Их выпускники были знакомы с европейской культурой и были готовы как к светской, так и церковной карьере.

Однако в XVIII в. развитие образования в Российской империи отражало основные положения социальной политики верховной власти. По искреннему убеждению Петра I, каждый житель страны должен был вносить посильный вклад в процветание государства, служить ему. Потому новые образовательные учреждения создавались в прагматических целях, что привело к отказу от широкой универсальности начальных коллегий и академий и приоритету профессионализации и сословности. При царе-реформаторе должное образование сделалось важным условием для приобретения определенного социального статуса. Дворянин должен был иметь знания, приличествующие дворянину, а клирик – пройти обучение в духовной школе.

Несмотря на все усилия властей светских и духовных, образованных людей в России XVIII в. было мало, а хорошо образованных – и того меньше. При этом духовенство в XVIII в., как и в прежние столетия, составляло преобладающую часть интеллектуальной элиты, да и в целом значительную часть пишущих и читающих людей России – «публики», как выражался А. П. Сумароков. В круг чтения образованных клириков входили сочинения европейских философов-просветителей, дебаты в духовных академиях вызывали интерес далеко за пределами корпорации ученого монашества [20, с. 308]. Создание системы духовного образования прочно закрепило за духовенством положение самой образованной социальной группы в России. Более того, теперь чаще всего успехи в учебе (что подразумевало в тех условиях обладание, прежде всего, филологическими талантами) определяли жизненные перспективы юноши из духовного сословия: талантливый сын бедного церковнослужителя мог стать архиереем, приравненным по табели о рангах к генералу [10, с. 369]. Дворяне же по традиции посвящали себя военной службе, а усвоение наук в высших учебных заведениях считали роскошью. Эта ситуация стала меняться лишь в екатерининскую эпоху, после появления Благородного пансиона. В это время в Московский университет в значительном числе стали поступать студенты из дворян [16, с. 43].

Созданный в 1754 г. Московский Императорский университет не имел богословского факультета, потому что совсем рядом с ним, в Заиконоспасском монастыре, находилась Славяно-греко-латинская академия. И сам М. В. Ломоносов, и первое «ломоносовское» поколение студентов и преподавателей Московского университета были тесно связаны с Академией, и с её ученой средой. Два ученика Ломоносова, преподававших в университете, – Антон Алексеевич Барсов и Николай Никитич Поповский, также были выпускниками Академии. Обычно воспитанники Славяно-греко-латинской академии, переходившие в Московский университет, занимались философскими или литературными науками, но иногда преподавали и медицину. В обоих учебных заведениях большинство студентов были из духовного сословия и имели за плечами духовную семинарию, Славяно-греко-латинскую или Киево-Могилянскую академии. Общими были быт, образ жизни и, соответственно, нравы. Неудивительно, что некоторые из выпускников Московского университета XVIII в. приняли сан и впоследствии стали выдающимися деятелями Церкви. Среди них – митрополит Санкт-Петербургский Серафим (Глаголевский), митрополит Санкт-Петербургский Михаил (Десницкий), архимандрит Петр (Каменский), начальник 10-й духовной миссии в Пекине [Там же, с. 44-46]. Духовное попечение университетской корпорации осуществлял священник домового храма университета. Первый настоятель, протоиерей Петр Алексеев, был одним из представителей Православного Просвещения, известным своими проповедями и сочинениями [1]. Он также учил студентов азам православного вероучения и церковной культуры, российской и общехристианской.

Когда в екатерининское время рассматривались различные модели реформ образования, обсуждались и идеи о создании богословских факультетов в университетах [14, с. 330-331]. Однако в итоге утвердилась та программа, согласно которой духовенство готовилось в стенах особых духовных школ, подчиненных Святейшему Синоду. В дальнейшем эта модель стала отличительной чертой образования Российской империи.

Таким образом, хотя в XVIII веке возникают параллельные системы светского и духовного образования, многообразные связи между университетской корпорацией и духовной школой делали высшее образование Российской империи единой средой. Обучение богословию рассматривалось как часть подготовки священнослужителя и потому осуществлялось только там, где готовили клириков.

Эпоха модерна. Перемены начала XIX в.

В начале царствования Александра I среди прочих преобразований была проведена и реформа образования, в ходе которой две сложившиеся в предыдущее столетие образовательные системы получили свое окончательное оформление. Воззрения александровского правительства на будущее образования в России во многом определялись кризисом европейских университетов в конце XVIII – начале XIX в. и поисками новых моделей развития образования [1].

Реформа народных училищ 1803-1804 гг. создала в Российской империи университетскую систему, согласно которой начальные и средние учебные заведения были объединены в учебные округа, каждый из которых возглавлял университет. В дополнение к Московскому университету были основаны Харьковский (1803) и Казанский (1804), преобразованы Дерптский (1802) и Виленский (1803). Университетский устав 1804 г. сочетал черты, свойственные как старинным, «доклассическим» университетским корпорациям, так и «модернизированному университету» и французским Высшим школам [10, с. 594]. Реформа духовного образования 1808-1814 гг. также создавала схожую централизованную духовно-учебную систему, в которой место университетов занимали Духовные академии – Московская, Санкт-Петербургская, Киевская и Казанская (закрыта в 1818 г. и возобновлена в 1842 г.) [15, с. 160].

Именно в это время, когда оформляются две параллельные образовательные системы, возникает и их особая институциональная связь. Университетский устав 1804 г. предусматривал создание в университетах

двух кафедр – догматического и нравственного богословия, а также толкования Священного Писания и истории. Профессора богословия и настоятели университетской церкви (часто в одном лице) одновременно подчинялись и Святейшему Синоду, и Министерству народного просвещения, что отражало их особое положение на границе двух областей образования. Однако подыскать среди выпускников духовных академий клирика, который бы мог с успехом совмещать обязанности приходского пастыря и ученого преподавателя, было нелегко. Так, в Московском университете кафедра богословия на факультете нравственно-политических наук была создана только в 1819 г. Чаще всего преподаватели кафедр богословия были неординарными людьми с широким кругозором и интересами. Самым известным из них был ученейший прот. Герасим Павский, преподававший Закон Божий в царскосельском лицее и бывший в 1826-1835 гг. законоучителем наследника престола Александра Николаевича [Там же, с. 334-335].

Создание кафедр богословия было обусловлено не только тем, что университет александровского царствования превратился из небольшой корпорации в сложную структуру с самыми различными факультетами, но и тем, что менялась сама русская православная ученость. Духовно-образовательная реформа 1808-1814 гг. была вдохновлена идеей создания русского научного богословия, воспитания в Академиях нового поколения церковных интеллектуалов, которые были бы способны, «основываясь на Предании Церкви, учитывая лучшие достижения человеческой мысли от древних и до последних веков, критически используя наработки иконофессии европейской науки, заложить основание российскому научному богословию» [Там же, с. 150].

Изначально на кафедрах богословия в университетах шло обучение догматическому и нравственному богословию. Но в дальнейшем обязанности преподавателей богословия только расширялись по мере роста возможностей духовной академии, потребностей студентов, а также требований правительства. Согласно уставу 1836 г. создавалась межфакультетская кафедра богословия, которая должна была учить студентов всему богословию, элементам церковной истории, общей и русской, а студентов юридического факультета – еще и началам церковного законовещения. Устав 1850 г. возложил на преподавателей богословия преподавание логики и психологии, поскольку кафедры философии в университетах упразднились [Там же, с. 335].

Так, всего за несколько десятилетий, с 1810-х до 1850-х гг., университетские кафедры богословия прошли путь от изложения студентам азов христианского учения до преподавания ряда сложных гуманитарных дисциплин. Одной из причин этого были явные успехи духовного образования, которое к середине XIX в. достигло небывалых прежде вершин.

Духовно-академическая ученость справилась с поставленной перед ней задачей создания русской православной богословской науки. Во второй половине 1820-х – начале 1840-х гг. формируется русскоязычный богословский аппарат, создается фундаментальный догматический компедиум – «Догматика» иером. Макария. Начинается перевод важнейших текстов святоотеческой традиции, с которыми знакомятся как представители духовной школы, так и образованного общества. В самих академиях создаются школы преподавания широкого спектра гуманитарных предметов – риторики, философии и других. Символом успехов русской духовной учености становится личность святителя Филарета Московского, которого образованные современники уважали не только как богослова и проповедника, но и как деятеля русской культуры [19, с. 460].

Помимо академических причин создания богословских кафедр, были и причины иного характера: с конца XVIII в. относительная однородность интеллектуальной элиты предшествующей эпохи уходит в прошлое.

«Золотой век» российского дворянства привнес перемены в культурный облик русского дворянина, его досуг и интересы. В прошлом остались бесконечные походы и «государевы службы». Новое, образованное и культурное дворянство начинает все больше задавать тон и в интеллектуальной жизни, при этом стремится всячески подчеркнуть дистанцию между собой и иными «неблагородными» сословиями. Именно в это время сугубое значение начинают придавать культурным характеристикам дворянства – некоему особому образованию и владению языками, утонченным манерам и изысканной одежде. Появляются даже представления об особых дворянских именах и фамилиях. Это противопоставление себя простому народу также выражалось в обязательной культурной ориентации на западноевропейскую аристократию – галломании и англломании [11, с. 342].

Сформировалось как сословие и духовенство, однако его социокультурный статус был особым, в некотором роде маргинальным: его нельзя было отнести ни к элите, ни к массам. Священники по правам были примерно равны личным дворянам (но дьяконы и церковнослужители – нет), а архиереи приравнивались к высшим чинам Табели о рангах. При этом уровень доходов большинства клириков был значительно ниже даже младших чиновников и офицеров и зачастую зависел от добровольных пожертвований прихожан [Там же, с. 372]. Быт духовных лиц напоминал крестьянский уклад, но при этом духовенство было самым образованным сословием России. Образование, с одной стороны, сближало «людей духовного звания» с дворянами, но, с другой стороны, духовное образование отличалось от дворянского и не давало навыков, необходимых для того, чтобы стать «своим» в благородном обществе. В целом духовное сословие выступало и как «культурный посредник» между «обществом» и «народом», одновременно и близкий, и чуждый обоим [9, с. 64].

Между дворянством и духовенством возникает антагонизм. Если клирики осознавали себя как учителей и вождей народа, то российские дворяне с конца XVIII века все в большей степени обращаются к тем формам религиозности, которые казались им совместимыми с нормами благородного сословия и были распространены в Европе. Таковыми были масонство, надконфессиональный мистицизм александровской эпохи, а с 1820-х гг. – немецкий философский идеализм.

Не случайно возникает и обретает немалое влияние феномен внеакадемического, мирянского богословия. Один из первых его представителей – А. П. Лопухин – писал в 1806 г.: «Тогда еще не было монастырей, когда помещики Ной, Авраам, Исаак, Иаков, Иов и прочие угодили Богу» [19, с. 101]. Русская “Laientheologie”

расцветает в 1840-е годы в родственном кругу московского дворянства. Богословы-миряне из первого поколения славянофилов были глубоко верующими представителями образованного общества, которые стремились показать людям своего круга и представителям западных исповеданий, что православие – это *comme il faut*, что это глубокая вера для современного мыслящего человека. Если католики и либералы обвиняли Православную церковь в мертвенности и безжизненности, то представители внеакадемического богословия утверждали, что это лишь дурная иллюзия, создаваемая схоластической духовно-академической ученостью, которая не может адекватно представить перед миром сокровища православной веры [Там же, с. 452-462].

Ироничный и снисходительно-презрительный взгляд дворянина на человека духовного сословия хорошо передает А. И. Герцен: «Из семинарии Иван Афанасьевич, сверх приятной мифологической фамилии, вынес то прочное образование, которое обыкновенно сопровождает семинаристов до последнего дня их жизни и кладет на них ту самобытную печать, по которой вы узнаете бывшего семинариста во всех нарядах. Аристократические манеры не были отличительным свойством Медузина: он никогда не мог решиться ученикам говорить “вы” и не прибавлять в разговоре слов, мало употребляемых в высшем обществе» [4, с. 191]. От фамилии до манер – не *comme il faut*. Но если Медузин из «Кто виноват?» был учителем латинского языка и содержателем частной школы, то его одноклассники по семинарии вполне могли служить в храме или даже заседать в Святейшем Синоде.

В свою очередь, представители духовенства обычно считали, что дворянство живет в праздности и невоздержанности, склонно злоупотреблять богатством и властью. Культура «благородных» часто оценивалась «духовными» критически, как чуждая русскому народу и проникнутая иностранщиной [9, с. 86-98].

Все это способствовало тому, что между духовной школой и университетами возникает и крепнет социокультурная граница. Образовательная реформа 1803-1804 гг. повысила привлекательность университетов для амбициозных дворян, стремившихся к карьере и искавших чинов [16, с. 48]. Это способствует тому, что в первой трети XIX в. меняется социальный состав российского студенчества, в котором начинают преобладать дворяне. Связи между духовно-образовательной системой и университетами постепенно ослабели, хотя выпускники духовных академий по-прежнему нередко преподавали в университетах, а студенты духовных академий, в свою очередь, слушали в университетах те курсы, которых не было в родных стенах [1]. Однако примеров того, что выпускники университета принимают сан, больше не встречается [17, с. 46].

Хорошим примером эволюции взглядов человека XIX в. служит биография знаменитого историка С. М. Соловьева. Отцом Сергея Михайловича был образованный городской протоиерей, а матерью – дворянка, дочь мелкого чиновника, воспитанная родственником митрополитом Авраамием (Шумилиным). Если отец готовил будущему историку карьеру священника, то мать всячески препятствовала этому – для нее «семинария была синонимом всякой гадости» [8, с. 111]. В итоге Соловьев так и не смог учиться в духовном училище, а поступил в гимназию. Уже здесь он «хотел стать основателем философской системы, которая, показав ясно божественность христианства, уничтожит неверие», а в университете погрузился в гегелевскую философию и даже написал сочинение «Феософический взгляд на историю России», однако в процессе написания пришел к выводу, что «христианство можно [олько] проповедовать, а не доказывать» [Там же, с. 118]. В 1842-44 гг. Соловьев путешествовал по Европе и изложил свои впечатления в статье «Парижский университет», где, в частности, проводил аналогию между проповедниками и университетскими профессорами и предполагал, что в эпоху падения авторитета религии и духовенства религиозно-просветительскую роль должен исполнять ученый. В религиозных спорах второй половины 1840-х годов историк отстаивал строго христианскую позицию, сначала сблизившись со славянофилами, а потом подвергнув их взгляды критике. В дальнейшем Соловьева характеризовали как искреннего и глубокого православного христианина, соблюдающего церковное учения, участника «Православного миссионерского общества» [Там же, с. 131].

Таким образом, создание в первой половине XIX в. кафедр богословия в университетах было призвано компенсировать разрыв, возникший между светской высшей школой и духовно-академическим образованием. Этот разрыв был не только институциональным, но и сословным: университетская корпорация в это время становится преимущественно дворянской по своему составу. Однако социокультурное отчуждение дворянства от духовенства приводило к тому, что духовно-академическая ученость, в том числе в виде преподавателей кафедр богословия, начинает восприниматься как внешний и чуждый элемент в университетской среде. При этом уровень духовно-академического образования в первой половине XIX в. растет.

Реформы и пореформенная Россия

«Великие реформы» Александра II оказали большое влияние и на образовательную систему Российской империи, и на социокультурный облик ее элиты. Во второй половине XIX в. дворянство постепенно утратило и сословную замкнутость, и культурную элитарность, и большую часть привилегий. Его статус поддерживался лишь древностью и особой связью с монархией [11, с. 354-356]. Духовенство также начало превращаться из замкнутого сословия «русских левитов» в сообщество людей, выбравших служение Церкви не по наследству, а по призванию. Церковные реформы 1860-х открыли духовные школы для людей всех званий. Значительная часть лиц духовного звания вливалась в состав интеллигенции. Росло материальное благосостояние клириков [Там же, с. 378].

Среди университетского студенчества вновь стали преобладать разночинцы, среди которых заметное место занимали попovichы. Дети православных клириков, учившиеся в российских университетах, ощущали себя особой группой, объединенной общим воспитанием и этосом. Попovichы-интеллигенты еще в большей степени, чем их отцы, были склонны противопоставлять себя интеллигентам-дворянам, непривычным к упорному труду, но обладавшим большими социальными и материальными возможностями [9, с. 95-98]. Получавшие университетское образование попovichы были критически настроены к «дворянскому» социальному строю Российской империи и часто пополняли ряды радикальной интеллигенции [11, с. 374-375].

Образовательная реформа, завершившаяся принятием устава 1863 г., поставила вопрос о путях развития высшего образования в России. Остро вставал вопрос о том, должен ли университет готовить юношей к занятию государственных постов или же их удел – занятия наукой. Один из участников дискуссий – И. К. Бабст так выражал свои мысли: «Решим сначала, что такое наши университеты – школы ли, где за хорошее ученье и добropорядочное поведение дают чины, где приготавливаются люди для государственной службы, или это высшее учебное заведение, всем открытое, с полною свободой преподавания, без которой немислимо развитие науки, с полною свободой учения и выбора предметов занятий, без чего немислимо строгое занятие наукой» [2, с. 115].

Относительно преподавания богословия в университетских корпорациях также было две точки зрения – либо богословие должно служить преимущественно целям нравственно-воспитательным, либо богословие должно быть мировоззренческим ориентиром для научных исследований. Предпочтение было отдано научной составляющей. В окончательном варианте университетского Устава 1863 г. было введено преподавание церковной истории и церковного законовещения на соответствующих факультетах – историко-филологическом и юридическом. Преподавателями новых кафедр могли стать лишь лица со степенями магистра и доктора богословия (с 1884 г. – также доктора церковной истории и законовещения). Как правило, от кандидата требовались знания как богословия, так и предметов, составляющих специфику факультета, – истории, филологии, юриспруденции. Это могли быть как выпускники духовных академий, так и университетов – с 1870-х гг., однако преобладали все же первые. Кроме того, сохранялась и кафедра богословия межфакультетского значения. Таким образом, преподавание богословских дисциплин в российских университетах после 1863 г. не просто расширилось по сравнению с дореформенной эпохой, но вступило во взаимодействие с другими дисциплинами.

Нравственная роль богословия в XIX в. понималась, прежде всего, как морализм – изложение кодекса поведения и верований порядочного человека. Хотя протест против морализма издревле составлял одну из черт европейской культуры, со второй половины XIX в. он обрел особую силу. Молодые люди всех европейских стран в это время осуждали общество как слишком озабоченное материальными приобретениями и слишком узко мыслящее о предназначении человеческой жизни, как озабоченное мелочным самоконтролем и подавляющее сферу чувств и высокого. Христианская мораль критиковалась как уничтожающая красоту, подавляющая свободу и развитие личности [16, с. 609].

Ничтожности и бессмысленности существования обывателей противопоставлялся альтруизм – самопожертвование во имя человечества, наградой за которое служит благодарность людей, а не райские обители [Там же, с. 496]. В России этот духовный посыл стал основой для *народничества* – движения, в котором сочетались отвержение существующего общества как чрезмерно материалистического, идеалистический гуманизм и радикальная политическая борьба. Народничество в разных своих проявлениях было неотделимо от русской интеллигенции второй половины XIX в. и стало для нее своеобразной религией. «Многие сыновья клириков – в том числе и те, кто сохранил веру в Бога, – модифицировали и подвергали секуляризации унаследованные от отцов представления о ведущей роли духовенства в обществе, о своей миссии спасителей народа. Опираясь на эти представления, попovichи стремились преобразовать общество и спасти его от “грехов” неравенства, насилия, социальной несправедливости» [9, с. 292]. Одни народники могли признавать важность православия для русского народа, другие – яростно отвергали его как символ эксплуатации и отсталости [6].

Однако академическое богословие в любом случае не представляло для них интереса, поскольку не отражало народного духа и было глубоко чуждым ему (первыми об этом открыто стали писать еще славянофилы в 1840-е годы). Интерес у интеллигенции с народническими настроениями был устремлен к истории Древней Руси и старообрядчеству, которое мыслилось как живое воплощение народной веры, принципиального противостояния царским властям и забытых древних идеалов.

Таким образом, в глазах многих студентов и преподавателей российских университетов носителями высшей нравственности были альтруисты, сражающиеся с деспотизмом властей, невежеством, болезнями и бедностью ради блага человечества. Эти люди становились кумирами молодежи и настоящими героями современности. В сравнении с их подвигами христианская мораль – особо излагаемая в духе морализма – представлялась менее совершенной – чуть ли не жизненной философией ограниченных горьковских ужей, ничтожной в сравнении с самоотверженностью бесстрашных соколов и Данко.

Второй вызов был брошен православной догматике как мировоззренческому ориентиру. Завораживающая идея вечной и безличной Вселенной, существующей по своим законам, которая присутствовала в европейской культуре со времен Античности, способствовала развитию деизма XVII-XVIII вв. и лишь укрепилась в XIX в. Потому, когда во второй половине XIX в. весь мир был потрясен успехами европейской науки, для многих людей эти успехи складывались в убедительную картину мира, подчиненного безличным закономерностям, которые охватывают все пространство и время, определяют существование всех вещей. Им казалось, что христианство с его верой в личностно-исторического Бога есть устаревшая и примитивная форма миропонимания, а его сторонники – незрелые личности, неспособные взглянуть в глаза окончательной истине [16, с. 456-457]. Вновь, как и в случае с альтруизмом, мужество ума ученого, не боящегося признать космическое одиночество человечества, противопоставлялось слабости, ограниченности и незрелости тех, кто цепляется за наивную древность.

Таким образом, в пореформенной России духовенство одновременно обвинялось в том, что оно аморально и антиинтеллектуально, в то время как в качестве идеала нравственного и интеллектуального совершенства предлагались выдающиеся представители интеллигенции, в том числе радикалы и революционеры. Теперь вопрос о научности богословия перестал быть внутренним вопросом церковной учености. Современная богословская наука должна была дать ответ на утверждение, что все православное богословие есть устаревшая фаза развития человеческой мысли, на смену которой пришла позитивистская наука.

Это делало вопрос о том, каким должно быть университетское богословие в России, весьма непростым. Первыми о статусе межфакультетских богословских кафедр и содержании их курсов в российских университетах задумались сами преподаватели богословия. Прот. Николай Сергиевский организовал обсуждение этого вопроса с профессорами кафедр богословия российских университетов. Их пожелания сводились к тому, что необходимо поднять авторитет и уровень богословской науки в университетах, чтобы «она... являлась в гармонии с... прочими научными истинами» [14, с. 341]. Для этого, в частности, предлагалось перенести акцент с догматического и нравственного богословия на изучение Священного Писания (священная библиология) и христианскую апологетику [Там же].

В последующие десятилетия преподаватели университетского богословия нередко строили свой курс именно в таком, научно-апологетическом духе. Например, первый профессор кафедры богословия Томского императорского университета протоиерей Дмитрий Беликов читал для студентов младших курсов православного исповедания авторский лекционный курс о сущности и происхождении религии «с обозрением относящихся сюда философских научных теорий, учения об основных истинах религии: бытии Божиим и бессмертии души, учения об Откровении, об откровенных религиях Ветхого и Нового заветов с изложением главнейших христианских догматов и обзором оснований христианской нравственности» [18, с. 137-138]. Его преемник по кафедре прот. Иаков Галахов также три часа в неделю читал первокурсникам лекции по курсу «общего учения о религии: религия, ее сущность, происхождение и всеобщность, отношение к науке, примирительные течения, механическое и виталистическое миропонимание, прагматизм в качестве своеобразного философского направления, примиряющего науку и религию, психологическая теория религии В. Джемса, краткая история религий древнего мира и их отношение к Богооткровенной религии» [Там же, с. 138-139]. Оба преподавателя, выпускники Казанской духовной академии, делали упор на апологетику, показывая студентам, что наука и религия не противостоят друг другу, а взаимно дополняют друг друга. Цель таких курсов состояла в том, чтобы разрушить представления о православии как о некоем архаичном и наивном мировоззрении.

Возможен был и более традиционный подход. Протоиерей Николай Сергеевич Виноградов, выпускник Московской духовной академии, был настоятелем домового храма и законоучителем Императорского Московского технического училища с 1885 г. до 1907 г., после чего еще пять лет преподавал богословие. Описание курса богословия, который читался в ИМТУ, не сохранилось, однако можно предположить, что он был достаточно традиционным: прот. Николай Виноградов начинал свою преподавательскую деятельность, читая курсы основного, догматического и нравственного богословия в Минской духовной семинарии, а службу в училищном храме совмещал с преподаванием Закона Божия законоучителем в 3-й мужской гимназии и в Александровском коммерческом училище [5, с. 48]. Сложно судить, сколь успешным был такой подход к преподаванию.

В. В. Розанов так описывал свою беседу со знакомым Санкт-Петербургским священником 1910-х гг.:

«— Я им говорю: — Выпишите Веклефа. Я буду продолжать диссертацию, начатую в Духовной академии, да тогда не кончил. А теперь свободнее и допишу. Выписали. Девять томов. Зимой начну читать.

Он был “профессором богословия” в высшем (техническом) заведении Петербурга. На лекции к нему ни один человек не приходил, и он был милостив к студентам и тоже сам не ходил. Одно жалованье, честь и квартира. Это так понравилось, что его пригласили и на курсы (женские). Он и на курсах читал, т.е. получал жалованье» [13, с. 259].

Впрочем, как и всегда, огромное значение играла личность преподавателя богословия и то, какое впечатление он производил на студентов.

Организационная форма межфакультетских кафедр богословия сохранялась в российских университетах вплоть до 1918 г., несмотря на поступающие предложения о реформе. Так, деятельность протоиерея П. Сергиевского вызвала дискуссию в образованном обществе 1860-х годов. Вновь, как и в екатерининские времена, встал вопрос о создании отдельных богословских факультетов по образцу европейских университетов. Однако было неясно, как предполагаемые богословские факультеты российских университетов будут соотноситься с Духовными академиями. Понятно было и отсутствие готовности самих университетов образовать внутри себя отдельные богословские факультеты, и неясна дальнейшая судьба их выпускников.

В начале XX в. стали предлагать объединить кафедры богословия с духовно-академической системой, создав тем самым единую российскую образовательную систему. Так, «высказывались идеи о том, что духовные академии следует преобразовать в богословские факультеты университетов (наиболее радикальные сторонники этого мнения был профессор богословия Киевского университета протоиерей Павел Светлов). И о том, что научное богословие следует развивать в университетах, а духовные академии оставить заниматься апологетикой, подготовкой клира и рассмотрением специальных научно-богословских вопросов, связанных с решением актуальных церковных проблем (профессор СПбДА Н. Н. Глубоковский)» [14, с. 343]. Эти предложения так и не были реализованы по причине политических потрясений.

Показательно, что интерес к религии и православному богословию в образованном обществе сохранялся, а к началу XX в. даже усилился. Однако школьное богословие редко воспринималось в образованном обществе как живой источник личных познаний о религии. Зато религиозно-философские «Чтения о Богочеловечестве» В. С. Соловьева собирали огромные аудитории. И еще большее количество людей прислушивалось к проповеди Л. Н. Толстого о необходимости освобождения христианства от догматики. Многие ехали в Оптину пустынь, к духоносным старцам — но при этом не проявляли никакого интереса к собственно церковной жизни.

Итак, пореформенная эпоха стала непростым временем для богословских кафедр в российских университетах. С одной стороны, российская духовно-академическая ученость достигла высокого научного уровня и смогла найти общий язык с фундаментальной университетской наукой. Этому способствовало то, что научно-богословские дисциплины, изучавшие историю церкви и ее установлений, хорошо вписывались в общую

парадигму позитивистских гуманитарных наук, скрупулезно изучавших факты всемирной истории человечества. С другой стороны, Православная церковь столкнулась с небывалой по масштабу и интенсивности критикой. Отношение к Церкви и православию образованных россиян второй половины XIX – начала XX в. начинало меняться в зависимости от статей писателей и публицистов, для которых обличение недостатков «синодального строя», реальных и мнимых, стало в это время общим местом [11, с. 797-806]. В этих условиях преподавание богословия в университетах было крайне затруднительно, так как молодежь – как и везде в Европе – была увлечена совершенно иными направлениями мысли. Наиболее перспективным направлением деятельности университетских кафедр богословия становится апологетика.

Таким образом, история преподавания богословия в университетах Российской империи была связана с историей отношений ученого духовенства (в том числе детей священников – поповичей) и образованного дворянства как двух основных составляющих интеллектуальной элиты Российской империи. Эти отношения прошли путь от относительного единства образованного духовенства и дворянства в «просвещенном» XVIII веке к словному антагонизму в XIX столетии и его постепенному смягчению к началу XX века.

В XVIII веке преподавание богословия в России мыслилось как составная часть подготовки священнослужителей. При этом университетская среда была теснейшим образом связана с духовно-академической, значительная часть студентов и профессоров Московского университета имели за плечами духовное образование. В начале XIX в. происходит окончательное разделение светской и духовной образовательных систем, одновременно возникает представление о том, что познания в вероучении своей религии необходимы образованной молодежи. Поэтому в александровское царствование в университетах, созданных в ходе образовательной реформы, учреждаются кафедры богословия – своего рода «представительства» духовно-академической учености в светском высшем образовании.

На положение кафедр богословия в университетах и восприятие их преподавателями и студентами большое влияние оказывала социокультурная дистанция между дворянством и духовенством, возникшая в конце XVIII в. Студенты-дворяне с трудом воспринимали преподавателей из духовно-академической среды и плохо знали православное вероучение, а студенты-поповичи, число которых увеличилось в пореформенную эпоху, наоборот, не нуждались в изложении основ и ждали от преподавателей ответов на трудные вопросы.

По мере развития российской духовной школы возрастает и уровень преподавания на кафедрах богословия в российских университетах. К середине XIX в. преподаватели богословских кафедр читали в университетах целый ряд церковных и философских дисциплин: от догматического богословия до логики и психологии. Во второй половине XIX в. кафедры богословия еще глубже интегрируются в университетскую среду, их научное значение повышается, а межфакультетские кафедры богословия дополняются кафедрами церковной истории.

При этом школьное академическое богословие, которое преподавали на университетских кафедрах, не спешило следовать за интеллектуальной модой XIX столетия, в которой увлечение метафизикой сменялось интересом к материализму, а мистицизм принимал все новые формы. Размышляя о религии, образованное общество России XIX века чаще прислушивалось не к отечественным профессорам богословия, а к немецким философам-идеалистам, британским ученым и русским писателям. По этой причине в пореформенной России наиболее плодотворным направлением деятельности межфакультетских богословских кафедр была апологетика и подчеркнута научное изложение богословия, опровергавшее обвинения в том, что православное вероучение есть устарелый и наивный этап развития человеческой мысли и морали.

Список источников

1. **Андреев А. Ю.** Московская Духовная академия и Московский университет в XVIII – начале XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://stsl.ru/news/all/moskovskaya-dukhovnaya-akademiya-i-moskovskiy-universitet-v-xviii-nachale-xx-veka> (дата обращения: 26.10.2019).
2. **Андреев А. Ю.** «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 110-119.
3. **Андреев А. Ю., Цыганков Д. А.** Преподавание церковно-богословских дисциплин и подготовка историков в Императорском Московском университете // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История РПЦ. 2016. № 1 (68). С. 45-63.
4. **Герцен А. И.** Кто виноват? // Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30-ти т. М.: Академия наук СССР, 1955. Т. 4. С. 5-306.
5. **Голубцов С., протод.** Храм и кафедра богословия ИМГУ-МВТУ // Московский журнал. История государства Российского. 2003. № 10. С. 43-56.
6. **Жукоцкий В. Д., Фурман Ф. П.** Народничество русской интеллигенции и культуры // Философия и общество. 2004. № 3. С. 156-176.
7. **Кириченко О. В.** Дворянское благочестие. XVIII век. М.: Паломникъ, 2002. 462 с.
8. **Кучурин В. В.** Религиозный мир С. М. Соловьева // Мир историка: историографический сборник / под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Омск: ОмГУ, 2007. Вып. 3. С. 107-136.
9. **Манчестер М.** Поповичи в миру. Духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: НЛО, 2015. 440 с.
10. **Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну: в 2-х т. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. Т. 1. 893 с.
11. **Миронов Б. Н.** Российская империя: от традиции к модерну: в 2-х т. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2018. Т. 2. 908 с.
12. **Посохова Л. Ю.** Православные коллегіумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М.: РОССПЭН, 2016. 550 с.
13. **Розанов В. В.** Листва. М. – СПб.: Республика; Росток, 2010. 591 с.
14. **Сухова Н. Ю.** Вертоград наук духовный: сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX – начала XX века. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. 382 с.

15. Сухова Н. Ю. «Воспитание юношества, Церкви посвященного»: духовно-учебная реформа 1808-1814 гг. и святитель Филарет // Филаретовский альманах. 2011. № 7. С. 140-162.
16. Тейлор Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. 967 с.
17. Феофанов А. М. Учащиеся из духовного сословия в Московском университете. 1755-1825 годы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2. История. История РПЦ. 2007. № 24. С. 42-53.
18. Хаминов Д. В., Некрылов С. А. Православие в жизни дореволюционного классического российского университета (на примере Императорского Томского университета) // Сибирский медицинский журнал. 2009. № 3. Вып. 1. С. 134-141.
19. Хондзинский П., прот. «Церковь не есть академия». Русское внеакадемическое богословие XIX века. М.: ПСТГУ, 2016. 479 с.
20. Цапина О. А. Православное Просвещение – оксюморон или историческая реальность? // Европейское Просвещение и цивилизация России: сб. статей / отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. М.: Наука, 2004. С. 301-313.
21. Bushkovitch P. Change and Culture in Early Modern Russia // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16. № 2. P. 291-316.
22. Chrissidis N. An Academy at the Court of the Tsars: Greek Scholars and Jesuit Education in Early Modern Russia. Dekalb, Ill: Northern Illinois University Press, 2016. 300 p.
23. Thinking Orthodox in modern Russia: Culture, history, context / ed. P. L. Michelson, J. D. Kornblatt. Madison, Wis. – L.: University of Wisconsin Press, 2014. 296 p.

THEOLOGICAL DEPARTMENTS AT UNIVERSITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE. SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Krylov Aleksei Olegovich, Ph. D. in History
Bauman Moscow State Technical University
St. Tikhon's Orthodox University, Moscow
dismal.enigma@yandex.ru

The article examines how socio-cultural processes affecting the Russian educated elite in the XVIII-XIX centuries influenced the teaching of Orthodox theology at the Russian universities. If in the XVIII century theological education was considered as a component of the clergyman's training then in the XIX century universities established special theological departments aimed to serve as a link between academic corporation and clerical education. Scientific level of university theological departments grew over the XIX century, but sociocultural barrier that had existed between the nobility and the clergy from the end of the XVIII century remained a significant problem.

Key words and phrases: theological departments; universities of the Russian Empire; Russian theology; social history of the Russian Empire; history of universities.

УДК 94(47).084.9+330.567.226:[614.23+614.253.5/6](470.54)“1965”
<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.12.10>

Дата поступления рукописи: 30.09.2019

В работе рассмотрен уровень потребления продуктов питания семьями пяти работников здравоохранения в 1965 г. Исследование проведено на материалах Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и текущего архива Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области (ТОФГСССО) с привлечением научной и статистической литературы. Делается вывод, что выявленный в ходе исследования уровень питания семей медработников был существенно ниже научно обоснованных норм, а также ниже уровня потребления жителей развитых стран и сравним с уровнем питания наименее экономически развитых стран-сателлитов Советского Союза.

Ключевые слова и фразы: Свердловская область; здравоохранение; врач; медсестра; лаборант; потребление; продукты питания.

Мамяченков Владимир Николаевич, д.и.н., доцент
Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург
mamyachenkov@mail.ru

ПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ МЕДИЦИНСКИМИ РАБОТНИКАМИ И ЧЛЕНАМИ ИХ СЕМЕЙ В 1965 ГОДУ (ПО МАТЕРИАЛАМ БЮДЖЕТНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ, ПРОВОДИВШИХСЯ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Данная статья продолжает довольно обширную серию трудов автора, посвященных исследованию материальных условий жизни населения Свердловской области. В частности, ряд его работ были посвящены исследованию семейных бюджетов таких основных (с точки зрения численности) категорий граждан, как колхозники, рабочие, служащие, инженерно-технические работники и другие. В том числе две статьи автора были посвящены: одна – денежным расходам работников здравоохранения Среднего Урала (как иногда именуют Свердловскую область), а другая – потреблению ими продуктов питания в 1957 году [4; 5].

Целью написания данной статьи было исследование уровня потребления продуктов питания семьями работников сферы здравоохранения Свердловской области. Обозначенная цель написания предопределила, в свою очередь, **актуальность** предлагаемой статьи. Она, как нам представляется, определяется уже тем, что общественный